

ОТ СОМНЕНИЙ К ИСТИНЕ

Художественному руководителю Московского театра

Творческой деятельностью он занимается сорок пять лет. Двадцать из них — художественный руководитель Московского театра имени Вл. Маяковского. «Дети Банюшина», «Банкрот», «Человек из Ламанчи», «Бег», «Леди Макбет Мценского уезда», «Жизнь Климова Самгина», «Трамвай «Желание», «Беседы с Сократом», «Молва», «Завтра была война» — лишь некоторые из поставленных им здесь спектаклей. Сорок пять лет он работает в ГИТИСе, заведует кафедрой режиссуры, среди его учеников — актеры и режиссеры, чьи имена широко известны в стране и за рубежом. Указом Президиума Верховного Совета СССР за большие заслуги в развитии советского театрального искусства и в связи с семидесятилетием со дня рождения Андрею Александровичу ГОНЧАРОВУ присвоено звание Героя Социалистического Труда. С просьбой рассказать о нем корреспондент «Труда» Т. Искандрова обратилась к народному артисту СССР Армену ДЖИГАРХАНЯНУ.

— Как-то не хочется произносить принятых в таких случаях умильительных слов. Андрей Александрович Гончаров в своем деле Мастер, и этим все сказано. Сейчас много жалуются на засилье «режиссерского» театра, на «диктат» режиссера. И в этом смысле разговор о Гончарове для меня принципиально важен. Он — из тех редких (особенно нынче) художников, что сочетают в себе два редко совместимых качества. Блестящий постановщик, умеющий выстраивать на сцене яркое зрелище (вообще театральность — самая, по-моему, могучая сторона его таланта), и в то же время — режиссер, способный воистину, как говорили раньше, «умереть» в актере.

Всегда восхищался его умением точно угадывать авторскую мысль, находить в пьесе то зерно, ту — главную — фразу, из которой, по сути, и вырастает спектакль. Ведь хорошая пьеса, мне кажется, в чем-то сродни шахматной задаче: и там, и тут существуют соблазнительные, но ложные ходы — вроде бы все ярко, броско, а вот в конце «не сходится». Большая драматургия всегда хранит в себе некую загадку, тайну, и настоящий режиссер — тот, кто способен ее извлечь «на людях», разгадать.

Благодаря Гончарову в моей жизни состоялись самые дорогие для меня встречи с героями

пьес Булгакова, Теннесси Уильямса, Радзинского, других авторов. И во время работы над ними я открыл для себя в этом режиссере очень важное качество: он помогает актеру проникнуть в то, что на профессиональном языке называется «дно характера», постичь всю глубину и сложность художественного образа. Вот идет обычная репетиция, он что-то предлагает, мы, бывает, переглядываемся между собой: мол, это-то уже было. И вдруг Андрей Александрович подсказывает какую-то деталь в поведении, настолько точную, исчерпывающую, что поневоле недоумеваешь: а как же сам-то проглядел? Знаете, когда затевается новая работа, я стараюсь внимательнее смотреть ему в глаза — и сразу понимаю — свершается ли сейчас на сцене нечто подлинное или мы играем на «экономленном топливе».

Один пример. Шли репетиции пьесы Теннесси Уильямса «Кошка на раскаленной крыше». Я там играю Большого Па — и вот никак мне не давалась второй акт, где мой герой все время присутствует на сцене. Словом, долго мучились, искали. И вдруг Андрей Александрович говорит: да ведь у этого человека уремия, он страдает, болен... И роль у меня пошла. Потом на премье-

ри имени Вл. Маяковского А. А. Гончарову — 70 лет

ру пригласил своего друга, врача. Так он после спектакля сказал, что по этой сцене можно писать «историю болезни». Конечно, обычным зрителям это было не заметно, да и не нужно, а вот мне для верного самочувствия в роли оказалось необходимо.

Сейчас мы выпустили премьеру — «Закат» И. Бабеля. Пре-восходная литература! Но это не драматургия — в элементарном понимании этого слова. И на репетициях на наших глазах Гончаров буквально из одной фразы, эпизода выстраивал целый пласт характера, раскрывал судьбу...

Наши театры сейчас охвачены дискуссиями — о театральном эксперименте, хозрасчете, о том, какие у него права и обязанности. Споров много — премьер мало. Дела мало. Мы, к нашему счастью, уцелели. Думаю, удалось это потому, что Андрей Александрович всегда нацеливал нас не на разговоры — на работу. Понимаете, театр ведь экспериментирует и перестраивается со дня своего рождения, и самое главное — не забывать, во имя чего все это. Не забывать о творчестве.

Не знаю, «перестраивается» ли Гончаров перед тем, как прийти к нам на репетицию. А вот что он работает, не щадя себя, знаю. За возможность поставить тот же «Закат» он боролся с чиновниками — перестраховщиками чуть ли не двадцать лет — и не отступил, добился своего. И так всегда: за идеалы, которым предан в искусстве, он бьется до конца. А иначе как можно быть художником?

Уже восемнадцать лет мы работаем вместе. Бывает с ним и непросто. В какой-то момент нам, актерам, начинает вдруг казаться, что он нас не любит, наами не занимается. Но вдруг — какой-то поворот в поведении, неожиданное слово — и понимаешь, как он озабочен судьбами своих артистов, как постоянно о

них думает. На репетициях он любит вспоминать своих учителей — Андрея Михайловича Лобанова, Николая Михайловича Горчакова, Алексея Дмитриевича Попова, часто цитирует их. Но и сам он — Учитель, личность незауряднейшая. А с талантливой личностью всегда сложно: приходится дорастать до постижения ее мира, искать точки соприкосновения. Я как-то был на лекции о космонавтике. Немало говорилось о том, что в групповых полетах одна из главных проблем — психологическая совместимость членов экипажа. И у нас — так же, если не сложнее. Трудность состоит в том, что в одно и то же понятие — ну, хоть в слова «любить», «понимает» — разные люди вкладывают разный подтекст. Взаимонепонимание неотвратимо рождает конфликты. И тут особенно важен общий язык между актерами и режиссером.

Я очень люблю искусство и думаю, что самое главное в нем — радость. Не веселье, понимаете, а именно то очистительное просветление души, которое оно дарит. Когда говорят про нашу профессию — «муки», «терзания», я этого не понимаю, лично мне эти слова не подходят. Так вот, в Андрее Александровиче эта радость — непоказанная, недемонстративная — всегда живет...

Вообще же он очень разный. Сильный, мужественный — и легко ранимый. Художник, вы знаете, в чем-то — как ребенок. Случается, придешь отпрашиваться на съемки, а он так поглядит, будто ты навек уезжаешь. И машнешь рукой: «Ну, если не хотите, не буду сниматься». Он и жестким бывает, непримиримым, непрятным даже. Словом, все в нем есть, как и в любой сложной творческой личности. И рассказывать о нем можно долго, а всего все равно чего-то, может быть, самого глубинного не скажешь...